

Единый архив экономических
и социологических данных

Софист

Информационный
бюллетень

№1 (16) 2022

Дорогие читатели, информационный бюллетень «Софист» возобновляет свою работу. Мы снова с вами!

В этом номере вы познакомитесь с работами магистров департамента социологии. Для своих диссертаций они выбрали очень разные темы. Дарья Андреева пишет о том, как работать с сенситивными вопросами, вызывающими неловкость, смущение и даже агрессию у респондентов. Елена Пак обратилась к демографическим проблемам – она анализирует социо-культурные особенности брачного и репродуктивного поведения и сравнивает различные подходы к изучению этих практик. Полина Решетцова анализирует феномен волонтерства, рассматривая его в плоскости персонального активизма, предполагающего личную инициативу и социальную ответственность индивида. Полина Чибискова изучает семейное образование, фокусируя внимание на разнообразии образовательных практик, большей свободе выбора образовательных стратегий и высокой ответственности родителей за образовательный процесс.

Мы будем рады услышать ваши отзывы и комментарии, пишите нам:
jesda@hse.ru

Желаем интересного чтения!

Андреева Дарья

Что (не)известно о сензитивности вопросов В контексте проведения опросов?

Обеспокоенность валидностью исследования возрастает в случае, если исследование включает в себя вопросы с сензитивной тематикой, которые являются факторами смещения данных, снижающих качество исследования.

Термин «сензитивность вопросов» обладает слабой теоретической разработкой, так как до начала XXI века учёные не занимались его концептуализацией: они не предпринимали серьёзных попыток очертить границы данного понятия – существовали лишь отдельные различные интерпретации сензитивности вопроса. Как итог, нередко знания современных исследователей о сензитивности вопросов являются фрагментарными.

В данном обзоре мы кратко обозначим, что подразумевается под сензитивностью вопросов, каковы её последствия, какие факторы на неё влияют, а также какие способы сегодня применяются для выявления сензитивных тематик.

Определение понятия. Сензитивность вопроса – характеристика, которая выражается в субъективно остром восприятии его содержания, сопровождаемом ощущением дискомфорта. Такой вопрос способен вызывать широкий спектр негативных эмоций: от ощущения неловкости и смущения до раздражения и агрессии. [Ларина, 2015] В 2000 году учёные впервые предложили рассматривать сензитивность комплексно, с точки зрения трёх аспектов, в которых она содержится: личный характер вопроса, угрожающий характер вопроса и социально-желательный характер вопроса. [Tourangeau et al, 2000].

Личный характер вопроса отмечается у тех вопросов, которые, по мнению респондентов, нарушают границы их частной жизни. Таким свойством обладают табуированные темы, сензитивным является контекст самого вопроса. Угрожающий характер вопроса несёт в себе потенциальные риски для респондента в ситуации разглашения какой-либо информации третьим лицам. Социально-желательный характер вопроса связан с социальными нормами, принятыми в обществе, членом которого является респондент. В отличие от личного характера вопроса, в данном случае сензитивным является не столько содержание вопроса, сколько ответ на него. [Kumar, 2013] Иными словами, вопрос становится сензитивным в случае, если ответ на него идёт в разрез с принятыми социальными нормами, в то время как личный вопрос, например, о сексуальных предпочтениях, является сензитивным в связи с вторжением в приватную сферу жизни респондента. Похожую типологию предлагает А. В. Андреевкова, которая также выделила три аспекта сензитивности: вопросы, нарушающие юридические нормы, требования государства и властей; вопросы, нарушающие социальные или моральные нормы; вопросы, нарушающие нормы коммуникации и частной жизни. [Андреевкова, 2017]

Сложность работы с данными определениями заключается в том, что один и тот же вопрос может нести в себе сразу два или три аспекта сензитивности. Логично предположить, что эти аспекты могут обладать разной степенью важности для респондента. Подобная информация позволила бы социологам более успешно подбирать способы снижения сензитивности вопросов для той или иной тематики. Например, для личных вопросов может быть достаточно использования приёма рутинизации, чтобы снизить их сензитивность, в то время как для угрожающих вопросов такой способ может оказаться неэффективным.

Сензитивные вопросы и угрозы валидности. Прежде всего, в исследованиях на сензитивную тематику социологи постоянно сталкиваются с такими проблемами, как отказ от участия в опросе, пропуск определённых вопросов и недостоверность полученных ответов (misreporting). [Yan, 2021]

Высокий уровень неучастия респондентов в опросе существенно затрудняет процесс сбора данных, способствует смещению выборки и в результате накладывает серьёзные ограничения на генерализацию результатов исследования. Несколько иные последствия наблюдаются, когда респонденты пропускают «неудобные» для себя вопросы: помимо недостатка сведений о какой-либо составляющей объекта исследования, происходит увеличение ошибки измерения, связанной с размером выборки [McNeeley, 2012].

Сложнее всего отследить ситуации, когда респонденты сообщают недостоверную информацию о себе, особенно учитывая тот факт, что существует некоторое соотношение между неответами и ложными ответами: как показали результаты исследования, люди, которые проявляли социально-нежелательное поведение, с меньшей вероятностью участвовали в исследовании, но в то же время они с большей вероятностью сообщали о себе неправду, если всё же принимали участие. [Tourangeau et al, 2010]

Проблема неискренних ответов, связанная с попытками сохранения своей «Я-концепции», существует на протяжении всего времени развития эмпирической социологии. В настоящий момент предлагается два пути её преодоления:

контроль уровня смещений и минимизация уровня смещений. Чаще всего, у исследователей нет возможности проверить достоверность ответов, сверив их с какими-либо доступными данными из других исследований/источников. В то же время, существующие методики, направленные на повышение искренности ответов респондентов, далеки от совершенства, демонстрируя противоречивые результаты их применения. [например, Jann et al, 2012 и Höglinger, Diekmann, 2017]

Факторы, определяющие сензитивность вопросов. Сам по себе вопрос не является сензитивным, он становится таким под влиянием ситуации, вовлеченных людей и их ожиданий [Erdmann, 2019]. Можно выделить две группы таких факторов: факторы, связанные с личностью респондента, и факторы, которые зависят от ситуации опроса, условий сбора данных.

К первой группе факторов относятся следующие характеристики респондентов: его/ее принадлежность к той или иной специфической группе, социально-демографические данные и тип социально-желательного поведения, отражающий склонность к намеренному или ненамеренному корректированию истинных ответов. [Ларина, 2015; Андрееenkova, 2017]. Вторая группа факторов, обуславливающая сензитивность вопросов, включает в себя режим опроса, присутствие интервьюера и/или третьей стороны (включая присутствие с помощью средств коммуникации, например, когда создается ощущение присутствия интервьюера посредством общения с ним по телефону или компьютеру) и способ формулировки вопросов [Tourangeau, Yan, 2007; Bader et al, 2016]. Именно на последнюю группу факторов, поддающихся корректировке, направлены усилия методологов по снижению сензитивности вопросов.

Вероятно, перечисленный перечень факторов не является исчерпывающим. Кроме того, одни и те же факторы второй группы могут противоположным образом влиять на сензитивность вопроса в зависимости от характеристик эмпирического объекта. Например, при опросе жертв насилия, присутствие

близкого человека рядом может стать необходимой поддержкой, благодаря которой респонденту будет легче рассказать о своём негативном опыте. В то же время, присутствие близкого человека при опросе респондентов на предмет совершения суицидальных попыток кажется неуместным, так как опрашиваемые могут быть не готовы раскрывать такую информацию другому человеку, чтобы не заставлять его переживать.

Основные подходы к выявлению сензитивных вопросов. Длительное время учёные определяли сензитивность того или иного вопроса основываясь почти исключительно на здравом смысле. Также использовались «побочные» результаты исследований: сензитивность вопроса могла быть замечена либо на этапе сбора данных, например, посредством анализа интервьюером поведения респондентов, либо на этапе работы с базой данных, основываясь на информации о доле пропусков. Эти результаты не являлись самоцелью проведённых исследований, а становились скорее необычными фактами или инсайтами. [McNeeley, 2012]. К примеру, ситуационный анализ подразумевает предварительное погружение в культурный контекст конкретного эмпирического объекта, позволяющее выявить сензитивные вопросы, которые будут актуальны и релевантны непосредственно для изучаемой группы людей в заданных условиях. [Evans et al, 2000] Анализ поведения респондента в ходе опроса, например, невербальных реакций респондента, может указать на сензитивность вопроса, в силу того, что поведение тесно связано с эмоциональным восприятием ситуации. [Ларина, 2015] Специализированные исследования включают в себя различные способы получения оценок сензитивности вопросов, которые является основной задачей работы. Основоположниками данного подхода считаются С. Садмэн и Н. Брэдбэрн, разработавшие шкалу «особой тревоги». [Tourangeau, Yan, 2007] Наконец, изучение параданных опроса, например, скорости ответа на тот или иной вопрос, поможет не только обнаружить высокую сензитивность определённого вопроса среди прочих, но и указать на респондентов, которые могли предоставить потенциально неискрытый ответ [Bell, Bishai, 2021]

Важно отметить, что сформировать универсальный список сензитивных тематик и вопросов не представляется возможным в силу большого разнообразия характеристик эмпирических объектов. Таким образом, результаты применения тех или иных подходов к выявлению сензитивных вопросов могут служить ориентиром, но никак не являться гарантией соответствия реальности для той или иной группы респондентов. Кроме того, есть основания полагать, что сензитивность вопросов может изменяться во времени вместе с изменениями социокультурных норм и сменой поколений. [Andersen, Mayerl, 2019]

Список литературы:

1. Андрееenkova А. В. Щепетильные вопросы в межстранных сравнительных опросах // Социологические исследования. 2017. № 12. С. 55-64.
2. Ларина Т. И. Экспериментальный подход к определению качества социологического инструментария: сензитивная тематика // Теория и практика общественного развития. 2015. № 2. С. 14-17.
3. Andersen H., Mayerl J. Responding to socially desirable and socially undesirable topics: Different types of response behaviour? // Methods, data, analyses. 2019. No. 13(1). P. 7-35.

4. Bader F, Bauer J, Kroher M, Riordan P. Privacy Concerns in responses to sensitive questions. A Survey experiment on the influence of numeric codes on unit nonresponse, item nonresponse, and misreporting // *Methods, data, analyses*. 2016. No. 10(1). P. 47-72.
5. Bell S, Bishai D. Can you repeat the question? Paradata as a lens to understand respondent experience answering cognitively demanding, sensitive questions // *PLoS ONE*. 2021. No. 16(6): e0252512.
6. Evans R. W., Avery P. G., Pederson P. V. Taboo topics: cultural restraint on teaching social issues // *The Clearing House*. 2000. No. 73(5). P. 295- 302.
7. Erdmann A. Non-Randomized Response Models: an experimental application of the Triangular Model as an indirect questioning method for sensitive topics // *Methods, data, analyses*. 2019. No. 13(1). P. 139-167.
8. Höglinger M., Diekmann A. Uncovering a blind spot in sensitive question research: false positives undermine the Crosswise-Model RRT // *Political analysis*, 2017. No. 5(1). P. 131-137.
9. Jann B., Jerke J., Krumpal I. Asking sensitive questions using the crosswise model: an experimental survey measuring plagiarism // *Public opinion quarterly*, 2012. No. 76(1). P. 32–49.
10. Krumpal I. Determinants of social desirability bias in sensitive surveys: a literature review // *Quality&Quantity*, 2013. No. 47(4). P. 2025-2047.
11. McNeeley S. Sensitive issues in surveys: reducing refusals while increasing reliability and quality of responses to sensitive survey items / *Handbook of Survey Methodology for the Social Sciences*. New York, NY: Springer, 2012. P. 377-396.
12. Tourangeau R., Groves R. M., Redline C. D. Sensitive topics and reluctant respondents: demonstrating a link between nonresponse bias and measurement error // *Public Opinion Quarterly*. 2010. No. 74(3). P. 413-432.
13. Tourangeau R., Rips L. J., Rasinski K. *The psychology of survey response* / Cambridge, England: Cambridge University Press, 2000.
14. Tourangeau R., Yan T. Sensitive questions in surveys // *Psychological bulletin*. 2007. No. 133(5). C. 859-883.
15. Yan T. Consequences of asking sensitive questions in surveys // *Annual Review of Statistics and Its Application*. 2021. No. 8(1). P. 109-127.

Пак Елена

Культурные измерения в демографических изменениях

Демографическое поведение включает в себя установки и поведение людей, влияющие на демографические события, которые включают рождение детей, изменение брачного статуса, состояния здоровья, территории проживания [Шабунова, Ростовская, 2020]. В данной обзорной статье производится попытка вкратце показать, как разные дисциплины смотрят на семью и ее функции и как объясняют трансформации в семейных ценностях. В первой части в обобщенном виде описываются изменения в семейной жизни и семейных ценностях, обозначаются основные направления их изучения. Во второй части более подробно описываются подходы и теории к изучению демографического поведения, вдобавок, объясняется роль популярности теорий, обращающихся к семейным ценностям.

Трансформация общества

Рассматривая развитие семейных ценностей в исторической перспективе, известный англо-американский историк, адвокат социальной истории Лоуренс Стоун показал, как социальные нормы, определяющие семейное поведение, были тесно связаны с контролем поведения человека также вне семейного круга, а их основной функцией было поддержание социальной структуры общества [Stone L., 1994]. Однако, с развитием экономической структуры общества, возросшей социальной мобильностью и ростом среднего класса, данные нормы постепенно претерпевали изменения. Таким образом, семейные ценности реагировали на изменение экономических и социальных условий.

В современном мире мобильность еще больше увеличилась за счет возрастающей глобализации, в результате чего все большее количество стран вовлекаются в мировую экономику. Параллельно этим процессам в разных странах в разное время наблюдались схожие демографические тенденции, включающие сокращение рождаемости, откладывание родительства на более поздний срок, рост количества разводов и сожительствующих пар. Разные подходы к исследованию данных изменений расходятся в оценке того, что является движущей силой этих процессов. Чаще всего выделяют две перспективы: 1) одни теории, преимущественно экономические, объясняют демографические процессы экономическими циклами и опираются на анализ издержек родительства и брака; 2) другой подход рассматривают изменения в семейной жизни как результат сдвигов в культурных ценностях. В то же время, граница между двумя подходами иногда стирается, так как обе теории объясняют спад рождаемости и связанные с этим факторы, относящиеся к одному временному периоду [Esping-Andersen, Billari, 2015].

Подходы к изучению демографических изменений

Некоторые исследования показывают, что экономические характеристики, такие как спад ВВП, недостаток жилья, снижение уровня доходов населения ведут к снижению уровня рождаемости в стране, что ведет к принятию теории кризиса в объяснении демографического поведения [Kashperov, 2004]. Однако, экономический подход к моделированию поведения человека как рационального, экономического индивида, подвергается критике, как не учитывающий культурные, моральные аспекты социальных отношений [Duncan, Edwards, 1997].

В социологической литературе получил широкое распространение другой подход, в котором глубокие трансформации в семейной жизни, произошедших во второй половине 20 века в развитых индустриальных странах, связывается с экономическим ростом и культурными изменениями, идущими за ним [Inglehart, 1997; Lestheage 2011; Bauman, 2013]. Исследователи, работающие в рамках этого подхода, отмечают, что, культурные ценности, в отличие от экономических и социальных условий, изменяются медленнее, и в пределах одного поколения реже подвержены изменениям [Inglehart, 1997]. В частности, теория Р. Инглхарта рассматривает, как в процессе модернизации, страны постепенно переходят от традиционного типа к обществам, в которых все больше распространяются пост-материальные, рациональные и светские ценности [Inglehart & Baker, 2000]. Все большее значение придается ценностям самореализации, карьеры, возрастает важность гендерного равенства. Вдобавок, при росте пост-материальных ценностей, возрастания уровня образованности населения увеличивается уровень толерантности к разным стилям жизни, в том числе, альтернативным формам родительства и партнерства [Inglehart, 1997].

В демографии преобладает культурная теория, обозначенная теорией Второго демографического поворота, представители которой объясняют сокращение рождаемости качественными сдвигами в мотивах родительства и партнерства,

которые в первую очередь становятся проектом самореализации человека [Lestheage 2011, 2014; van de Kaa, 1996; Liefbroer & Fokkema, 2008]. Данная теория обращается в первую очередь к культурной революции, произошедшей в 1960-е годы в развитых странах, следствием которой стала либерализация сексуальных прав и распространение гендерного равенства. В результате этого уменьшилась роль авторитетов, таких как церковь и государство, в структуризации семейной жизни, а институт брака перестал рассматриваться как единственная легальная форма семьи. Как отмечает И. Кон, это приводит к плюрализации семейных форм, сексуального поведения, гендерных отношений [Кон, 2011]. Эмпирические свидетельства в пользу такого объяснения подтверждают, что общими для разных стран индивидуальными факторами уменьшения традиционных взглядов на брак и родительство являются женский пол, более младший возраст, более высокий уровень образования, меньший уровень религиозности [Gubernskaya, 2010; Yucel, 2015]. В то же время, сторонники теории демографического поворота утверждают, что изменения в демографическом поведении являются долгосрочными тенденциями, которые не могут быть объяснены только политическими и экономическими факторами, и характерны для разных обществ в разное время [Vishnevsky, 1999].

Заключение

У постмодернистского подхода, объясняющего изменения в культурных ценностях и семейных мотивах, есть ряд недостатков. Хотя и сторонники второго демографического поворота предполагают, что существуют разные измерения в культурных представлениях, которые могут быть не всегда связаны, например, толерантность к нетрадиционным формам семьи и важность родительства [Lestheage, Meekers, 1986], данная теория все же не объясняет, почему важность родительства и брака возрастает в некоторых развитых странах среди наиболее образованных кругов [Esping-Andersen, Billari, 2015]. Остается

необъясненным, почему в некоторых странах, находящихся в авангарде демократического поворота, уровень рождаемости стабилизируется на оптимальном уровне, а в других нет. Другая точка зрения состоит в том, что в странах, переживающих демографический поворот, государственная политика в области поддержки семьи может привести к росту рождаемости. При этом, низкая рождаемость объясняется несоответствием желаний людей и их экономическими возможностями [Шпаковская, Чернова, 2010]. Однако, эффективность государственной политики обусловлена культурными основаниями, которые легитимируют политические меры. Согласно такому подходу, культурные ценности и семейная политика влияют друг на друга [Pfau-Effinger, 2005].

Список литературы:

1. Кон И. Три в одном: сексуальная, гендерная и семейная революции // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14. № 1. С. 51–65.
2. Чернова Ж., Шпаковская Л. Молодые взрослые: супружество, партнерство и родительство. Дискурсивные предписания и практики в современной России // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. – 2010. – № 3.
3. Шабунова Александра Анатольевна, Ростовская Тамара Керимовна О необходимости разработки модели оптимальных условий для формирования и реализации демографических установок // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2020. №4.
4. Bauman Z. *Liquid love: On the frailty of human bonds*. – John Wiley & Sons, 2013.
5. Duncan S., Edwards R. Lone mothers and paid work-Rational economic man or gendered moral rationalities? // *Feminist economics*. – 1997. – Т. 3. – № 2. – С. 29-61.
6. Esping-Andersen G., Billari F. C. Re-theorizing family demographics // *Population and development review*. – 2015. – Т. 41. – № 1. – С. 1-31.
7. Gubernskaya Z. Changing attitudes toward marriage and children in six countries // *Sociological Perspectives*. – 2010. – Т. 53. – № 2. – С. 179-200.
8. Inglehart R. F. *The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles Among Western Publics*, Princeton, Princeton Univ. Press. 1977.
9. Inglehart R., Baker W. E. Modernization, cultural change, and the persistence of traditional values // *American sociological review*. 2000. С. 19-51.
10. Kashepov A. Socioeconomic determinants of the demographic situation in Russia // *Russian Social Science Review*. – 2004. – Т. 45. – № 2. – С. 59-82.
11. Lesthaeghe R. The «Second demographic transition»: A conceptual map for the understanding of late modern demographic developments in fertility and family formation // *Historical Social Research*. 2011. С. 179-218.
12. Lesthaeghe R. The second demographic transition: A concise overview of its development // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2014. Т. 111. № 51. С. 18112-18115.
13. Lesthaeghe R., Meekers D. Value changes and the dimensions of familism in the European Community // *European Journal of Population/Revue européenne de Démographie*. 1987. Т. 2. № 3-4. С. 225-268.

14. Liefbroer A. C., Fokkema T. Recent trends in demographic attitudes and behaviour: Is the Second Demographic Transition moving to Southern and Eastern Europe // Demographic challenges for the 21st century. A state of art in demography. 2008. С. 115-141.
 15. Pfau-Effinger B. Culture and welfare state policies: Reflections on a complex interrelation // Journal of social policy. – 2005. – Т. 34. – №. 1. – С. 3-20.
 16. Stone L. Family values in a historical perspective // The Tanner Lectures on Human Values. Harvard University. 1994. С. 67-110.
 17. Van de Kaa D. J. Anchored narratives: The story and findings of half a century of research into the determinants of fertility // Population studies. 1996. Т. 50. №. 3. С. 389-432.
 18. Vishnevsky A. Demographic changes in Russia-past and future // Finnish Yearbook of Population Research. – 1999. – С. 39-57.
 19. Yucel D. What predicts egalitarian attitudes towards marriage and children: Evidence from the European values study // Social Indicators Research. – 2015. – Т. 120. – №. 1. – С. 213-228.
-

Решетцова Полина

От альтруизма до эгоизма: история изучения феномена волонтерства

Феномен волонтерства имеет многоаспектный характер и массовое распространение данного явления в мире произошло во второй половине 20 начале 21 века. Началом социологии волонтерства можно считать 1970е годы, когда сформировалось самостоятельное направление исследований благодаря работам социолога Д. Х. Смита [Smith, 1975]. Он фокусировался, в основном, на психологическом вознаграждении от волонтерской деятельности, которое не является материальным благом, но которое служит главным мотивом участия для индивида. При таком подходе волонтерство рассматривается прежде всего как индивидуальная деятельность.

Под добровольчеством понимается собирательный образ, представленный несколькими моделями, конкурирующими в российском общественном сознании: традиционная, демократическая (западная) и советская [Хворостьянова, 2017]. Основной чертой традиционной модели является жесткая иерархичность отношений между помогающим и принимающим помощь. Эта модель является преемником таких явлений как меценатство, церковная благотвори-

тельность, уход за ранеными и больными, которые были распространены в дореволюционной России. Советская модель построена скорее на принудительном волонтерстве, которое контролировала партия. Использование сочетания слов «принудительно» и «волонтерство» в описании этой модели довольно необычно, учитывая, что это противоречащие друг другу понятия, ведь нельзя заставить человека помогать и называть это добровольчеством. Но в СССР часто проводились мероприятия, которые носили формально добровольный, а по факту принудительный характер, например, субботники. Демократическая модель противоположна советской и содержит явные коннотации с обществом, где развита свобода слова, самовыражения и активная гражданская позиция, которая может проявляться в служении обществу. Эта модель предполагает личную инициативу и социальную ответственность индивида в условиях гражданского общества, которое является ключевым условием развития этой модели [Хворостьянова, 2017].

Все перечисленные модели не включали в себя такой фактор как индивидуальная заинтересованность волонтера в той деятельности, в которую он вовлечен, потому что волонтерство считалось скорее призванием и несло в себе миссию служению обществу без преследования личных интересов. Во всех этих моделях волонтерство несет в себе коллективный характер деятельности с достаточно сильной идентификацией индивидов с социальной группой, в которой они находятся. Однако, некоторые исследователи в своих работах не делят волонтерство на индивидуальное или коллективное, а отмечают, что это бескорыстная работа, которая направлена на благо социума и определяется как разновидность филантропических практик, чем похоже на традиционную модель [Мерсиянова, Якобсон, 2010]. С этим утверждением не согласятся авторы теории о стилях волонтерства голландцы Л. Гастингс и Ф. Ламертын, которые в своей работе, написанной в начале 2000-х годов, обозначили два

основных стиля волонтерства: коллективный и индивидуально-рефлексивный. Такое разделение не стоит воспринимать как жесткую дихотомию, потому что эти стили являются результатом сложного взаимодействия изменений в волонтерской среде и изменений на уровне самих волонтеров. В результате социальных преобразований в обществе появляется новая модель добровольчества, которая совмещает в себе оба упомянутых стили и их особенности, поскольку сам феномен добровольчества имеет двухуровневую структуру. Согласно Л. Гастингс и Ф. Ламертын, в начале 21 века происходит исторический переход от коллективистского участия к индивидуально-рефлексивному, что по мнению авторов может привести к увеличению разрыва между приоритетами индивидуального волонтера и работой, необходимой для организации волонтеров.

Добровольческая вовлеченность теряет свой самоочевидный характер и все меньше соответствует сильной идентификации индивидов с социальной группой и их длительному членству. Личный иногда эгоистический интерес движет представителями волонтерства, особенно молодыми, что вступает в противоречие с первоначальной целью волонтерства как служению обществу. Временные акты помощи в виде участия в мероприятиях, так называемом «событийном волонтерстве» всё чаще можно встретить в среде молодежного добровольчества. Чистые побуждения и намерения помочь обществу конфликтуют с личным интересом и персональной выгодой, которая должна подкрепляться весьма ощутимым вознаграждением. Личная выгода может маскироваться под видом альтруизма.

Если сравнивать традиционное коллективистское добровольчество с современным рефлексивным, то коллективное характеризуется длительным периодом вовлечения актора в добровольческую деятельность, которое

требует высокой самоотдачи [Hustinx, Lammertyn, 2003]. В настоящее время больше ценится свобода, гибкость и возможность менять роли и решения. Волонтерство находится на стыке нескольких форм активности индивида и в целом спектр индивидуальных и коллективных действий, попадающих под определение «волонтерства» не позволяет выработать общего определения для данного феномена, поскольку нет согласия в том, что считать волонтерством. Например, гражданский активизм и возможно любая неоплачиваемая работа, которая приносит пользу обществу и направлена на создание общего блага также может рассматриваться в качестве волонтерства. Поэтому существуют разные подходы к тому, как аналитически выделить волонтерство от других проявлений гражданского активизма. Волонтерство можно отнести к одному из проявлений молодежной субкультуры, у которой много особенностей и функций, которые направлены на формирование стабильности и сплоченности в обществе, выстраивание социальных отношений, развитие моральных качеств личности, нравственное воспитание [Холина, 2011].

В начале 21 века зарубежные исследователи сделали несколько попыток обобщить частные теории волонтерства и в результате выделили три подхода, проявляющиеся в теоретических дискуссиях и эмпирических исследованиях рассматриваемого явления [Chambré, 2008]. В рамках первого подхода волонтерство рассматривается в экономическом дискурсе как работа или труд, второй объединяет теории, которые трактуют волонтерство через категорию альтруизма и понимание социального взаимодействия, а в третьем подходе волонтерство понимается как один из аспектов образа жизни и видом досуговой практики [Певная, 2013].

В целом, можно отметить, что к изучению волонтерства сложилось множество подходов, однако большинство этих подходов можно свести к «объяснительным» и «нарративным». «Объяснительный» подход используется в количественных исследованиях при анализе индивидуальных характеристик и социальных факторов, предсказывающих участие/неучастие в волонтерской деятельности. «Нарративный» подходит к волонтерству как к многомерному, разнообразному феномену и фокусирует внимание на изучении процесса социализации волонтера в волонтерской организации. Этот подход направлен и на изучение того, почему индивиды занимаются волонтерской деятельностью, то есть на природу и процесс их вовлеченности [Hustinx, Chaan, Handy, 2010].

В российском контексте волонтерство, как социальный феномен изучается с 1990-х годов и имеет меньшую разработанность, в отличие от западных исследований, где этой тематике посвящено достаточно много работ [Кудринская, 2015]. Целенаправленная политика государства в отношении развития инфраструктуры поддержки добровольческого движения - явление относительно новое для России, его можно проследить в течение последних 5–10 лет [Горлова, 2017]. Заметной тенденцией можно назвать профессионализацию института волонтерства и изменение портрета российского волонтера, который приобретает черты профессионализации. Это связано с изменением социально-профессиональной роли волонтера и его статуса в обществе: его задача теперь уже не ограничивается минимальным набором непрофессиональных видов помощи и предоставляемых услуг, а включает в себя навыки организаторской деятельности, многозадачности и умением работать иногда в стрессовых ситуациях. Участие в волонтерской деятельности способствует формированию определенных компетенций и профессиональных качеств у волонтера. Таким образом, волонтерскую активность можно рассматривать

и с точки зрения профессиональной деятельности, которая сочетает в себе признаки общественной организации [Горлова, 2017].

В настоящее время довольно трудно представить сферу деятельности, где можно обойтись без участия волонтеров, так как оно играет ключевую роль в развитии социальной активности граждан и служит эффективным инструментом взаимодействия государства и общества [Паклина, 2020]. Однако, существует некая размытость в определениях данного феномена, поскольку отсутствуют общие критерии для определения волонтерского участия индивида, что существенно затрудняет сравнительные исследования между разными странами, экономическими системами или культурами.

Список литературы:

1. Горлова Н.И. Современные тенденции развития института волонтерства в России // Вестник КГУ. 2017. №3. С. 77-80.
2. Кудринская Л.А. Добровольческий труд: масштабы, потенциал и факторы развития // Петербургская социология сегодня. 2015. №6. С. 300-331
3. Невский А. В. Социология волонтерства: определение границ исследования // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. No 1. С. 30–46
4. Паклина Е.А. Организация волонтерской деятельности в период пандемии COVID-19 // Вестник СПбГИК. 2020. №4 (45). С. 130-135.
5. Певная М. В. Волонтерство как предмет теоретико-социологического изучения // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2013. № 2(23). С 156-164.
6. Потенциал и пути развития филантропии в России/ под ред. И.В. Мерсияновой, Л.И. Якобсона. М.: Издат. дом НИУ ВШЭ. 2010. 419 с.
7. Хворостьянова Н.И. Волонтерство в российском обществе и в российской социологии: взгляд из-за рубежа // Социологический журнал. 2017. №2. С. 136-152
8. Холина О.И. Волонтерство как социальный феномен современного российского общества // Теория и практика общественного развития. 2011. №8. С. 71-73.
9. Chambré, S. Is volunteering work, prosocial behavior, or leisure? An empirical study / S. Chambré, C. Einolf // Center for nonprofit strategy and management. Working papers series. 2008. USA. P.1-30.
10. Hustinx L., Chaan R.C., Handy F. Navigating Theories of Volunteering: A Hybrid Map for a Complex Phenomenon // Journal for the Theory of Social Behaviour. 2010. Vol. 40. No. 4. P. 410-434.
11. Hustinx L., Lammertyn F. Collective and reflexive styles of volunteering: A sociological modernization perspective // Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations. 2003. T. 14. №. 2. С. 167-187.
12. Smith D. H. Voluntary action and voluntary groups. Annual review of sociology 1975. Palo Alto, CA. Annual Reviews. 1975.

Чибискова Полина

Процесс конструирования Образовательного пространства хоумскулеров: Теоретическая модель

Хоумскулинг или семейное образование подразумевает одну из альтернативных форм получения школьного образования вне образовательной организации [4]. Для оформления учащегося на обучение в такой форме достаточно лишь желания родителей или их законных представителей, а также согласия ребенка [9]. При этом, в отличие от школьного образования, где обязательства за реализацию образовательных программ и соответствие качества подготовки обучающихся установленным требованиям закреплены за образовательными институтами, семейная форма обучения предполагает исключительную ответственность родителей за организацию образовательного процесса и усвоение ребенком учебного материала [1].

В заданном контексте интерес к вопросу организации образовательного пространства хоумскулеров определяется относительной свободой родителей как образовательных субъектов [1] в планировании и реализации учебного процесса своих детей. Если в рамках традиционного образования образовательное пространство обучающихся во многом предопределяется довольно универсальными стандартами школ, то семейное образование предполагает автономность родителей от последних. Как следствие, для проектирования образовательного пространства ребенка родителям открываются более широкие возможности. Данный факт, в совокупности с ежегодным ростом численности детей, получающих семейное образование (в 2019–2020 гг. в РФ зафиксировано в два раза больше аттестованных «нешкольников» [2]) и критикой традиционных форм обучения, подпитывает исследовательский интерес к изучению процесса конструирования образовательного пространства хоумскулеров, о составляющих которого и пойдет речь в данном обзоре.

За рубежом, например, в США или в Канаде, хоумскулинг имеет более длительную историю и более широкий охват [13], вследствие чего феномен исследован в значительно большей степени, тогда как отечественное научное поле по данной теме находится на ранней стадии своего формирования [10].

В российской научной литературе исследования хоумскулинга представлены, в основном, количественными исследованиями, фокус которых направлен на изучение причин родительского выбора семейного образования для своих детей [8], академических успехов детей-хоумскулеров, а также на исследование эмоционального состояния и проблем социализации последних [5]. Однако, отечественный и зарубежный исследовательские дискурсы, как правило, в тени оставляют процесс непосредственного формирования образовательного пространства хоумскулеров [10]. Само по себе конструирование образова-

тельного пространства представляет собой определение совокупности институционализированных и неинституционализированных видов деятельности, наращивающих уровень образования ребенка, а также способствующих повышению его культуры и социализации [7]. При этом данный процесс в рамках хоумскулинга является комплексным социальным феноменом, укорененным во множестве практик выбора и реализации семейной формы обучения как таковой. Данное заключение находит свою поддержку как в предложенной теоретической схеме, так и в рассуждениях ее сопровождающие далее.

Теоретическая схема: процесс конструирования образовательного пространства хоумскулера

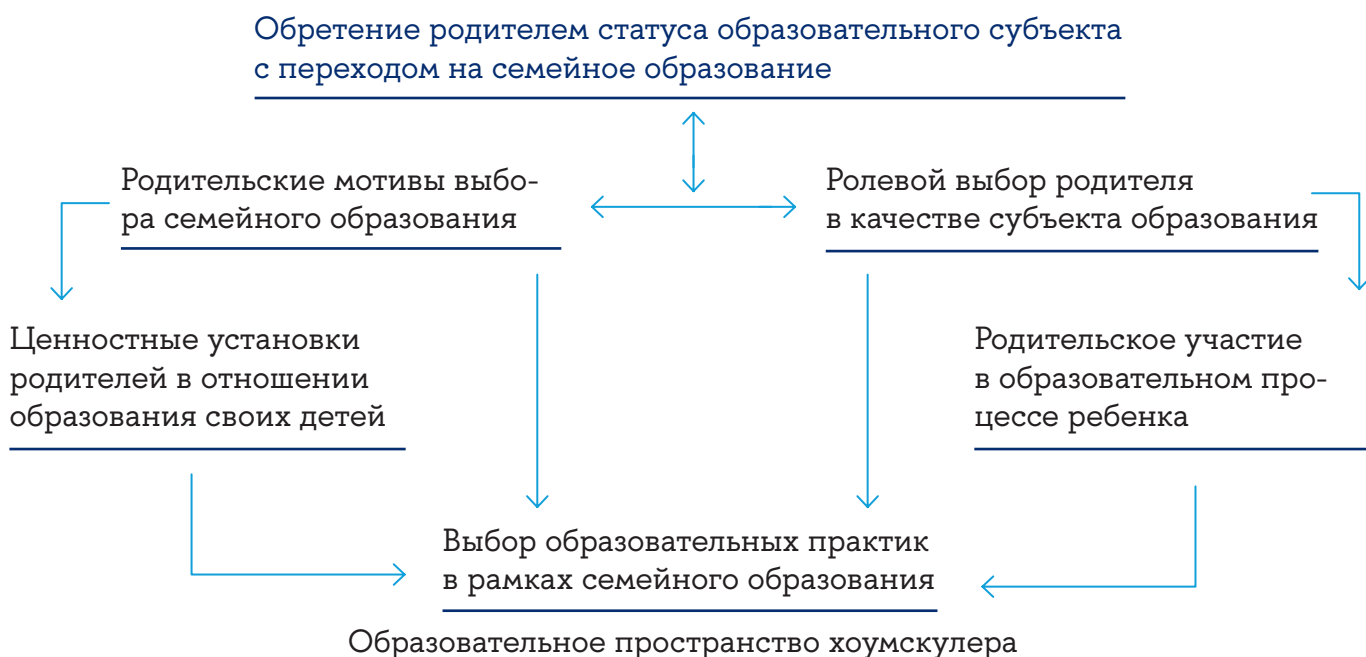

Схема 1.

При принятии решения в пользу выбора хоумскулинга в качестве альтернативной формы образования для своих детей, родители руководствуются определенным пулом мотивов, в основе которых заложены их ценностные установки и взгляды на процесс образования своего ребенка. Последние, по данным отечественных исследователей, носят гуманистический характер, который воплощается в высокой оценке важности духовного, индивидуального развития ребенка в процессе обучения, его свободы и самостоятельности, а также гармонии с самим собой [3]. При этом, по мнению родителей, традиционная система образования в школе не только зачастую слабо отвечает вышеописанным ценностям, но и характеризуется упадком качества и эффективности обучения как такового [3]. В совокупности это становится одним из ключевых стимулов к выбору в пользу образования вне школы, в рамках которого образование ребенка может быть организовано в соответствии как с родительскими ценностями, так и с их запросом на большую эффективность и индивидуализацию образовательного трека.

При этом с переходом на семейную форму образования актуализируется специфический ролевой набор родителя, отвечающий за определенное позиционирование в процессе организации и поддержания всего образовательного процесса своего ребенка. В этом контексте стоит принять во внимание четыре возможные ролевые модели родителей хоумскулеров, выявленные Т. Хардингом, которые в реальности, однако, могут воплощаться в симбиозе пары или даже нескольких из них: роль «обучающегося» при получении родителями необходимых знаний и компетенции для понимания актуальных для процесса организации семейного образования нюансов; роль «союзника» в рамках развития образовательного партнерства между родителями и значимыми другими для легитимации собственных усилий в рамках хоумскулинга; роль «учителя», заключающаяся в формальных или неформальных практически реализуемых способах поддержания обучения и развития ребенка; роль «новатора», сосредоточенную на реализации продвинутых методов обучения хоумскулера, а также их коммуникацию в более широкие сообщества родителей хоумскулеров [12].

Таким образом, родитель, при актуализации релевантного для него ролевого набора, непосредственным образом становится участником процесса обучения. По мнению исследователей Ж. Гудалл и К. Монтгомери, концепт родительского участия в образовании может быть теоретически осмыслен как континуум от, так называемой, родительской вовлеченности, с одной стороны, и родительской включенности с другой. Ключевое отличие полюсов такого континуума заключается в том, что родительская включенность,

помимо таких по большей части обязательных актов участия, как, например, посещение родительских собраний, воплощает в себе еще и родительское чувство обязательства за поддержание процесса образования своего ребенка, большую ответственность и власть в отношении его организации [11], что скорее нехарактерно для родительской вовлеченности.

Говоря же об образовательных практиках, отечественные исследователи выделяют следующие актуальные для российского контекста «идеальные» модели организации семейного образования: традиционную; обучение при помощи компьютерных технологий; интегрированную (тематическую); а также модель обучения, основанную на альтернативных методиках и их эклектике [6]. Тем не менее, учитывая тот факт, что данные модели являются теоретической классификацией того многообразия практик, к которым родители могут прибегать в рамках хоумскулинга, в реальности может иметь место сочетание таких практик. А подбор наиболее релевантных для ребенка способов обучения и представляет собой непосредственное наполнение так называемого образовательного пространства хоумскулера.

Будущие исследования по данной теме должны учитывать комплексность процесса конструирования образовательного пространства хоумскулера, содержание которого определяют не только выбор образовательных практик, но и родительские ценности и мотивы в поле образования, ролевые наборы, а также характеристики родительского участия в процессе образования ребенка. При этом, комплементарная теоретическая модель, предлагаемая в настоящей работе, обладает большим потенциалом анализа такого многогранного социального феномена, что в особенности справедливо для качественного исследовательского дизайна, способствующего раскрытию субъективных переживаний родителей нешкольников, а также тех значений, которые они придают своему опыту в контексте семейного образования.

Список литературы:

1. Антуфьева М. П. Понятие «Семейное образование» в России и США: сопоставительный анализ // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 5 (78).
2. Верчагина И. Ю. Проблемы правового регулирования семейного образования и самообразования // Наука и образование. Образование в современном мире: проблемы и пути решения. Красноярск: БИФ КемГУ, 2020.
3. Жуйкова К. В., Ляликова С. В., Карпова В. М. Семейно-домашнее обучение как модель образования будущего. – 2018.
4. Любичкая К. А. Родительская вовлеченность в формирование образовательного пространства детей: дис. канд. наук об образовании: - НИУ ВШЭ, Москва, 2020.
5. Ляликова С. В. Семейно-домашнее обучение как реакция на трансформацию ценности образования в современном мире // Актуальные проблемы развития человеческого потенциала в современном обществе. Пермь: ПермГУ, 2018.
6. Мингазов И. Ф., Яркова Т. А., Милованова Н. Г. Модели и опыт организации семейного образования // Вестник Нижневарттовского государственного университета. – 2019. – №. 4.

7. Поливанова К. Н., Бочавер А. А., Павленко К. В., Сивак Е. В. Образование за стенами школы. Как родители проектируют образовательное пространство детей [Текст] / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики».
 8. Поливанова К. Н., Любичкая К. А. Семейное образование в России и за рубежом // Современная зарубежная психология. 2017. Т. 6. № 2.
 9. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 25.12.2018) «Об образовании в Российской Федерации». Статья 63. Формы получения образования и формы обучения. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/affd388ac5d286d2d5a1fc91c0d9b0b_c06984/
 10. Яшина М. Н. Международный опыт изучения семейного образования.: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2018.
 11. Goodall J., Montgomery C. Parental involvement to parental engagement: a continuum. Educational Review. 2014. Vol. 66. No. 4.
 12. Harding T. J. A. A study of parents' conceptions of their roles as home educators of their children: дис. – Queensland University of Technology, 2011.
 13. Ray B. D. Research Facts on Homeschooling // National home education research institute. 2016.
-

Контакты:

109074, г. Москва
Славянская площадь, д.4,
стр. 2., ком. 317-318

E-mail: jesda@hse.ru
sophist.hse.ru